

Среди ночи всё отделение разбудил громкий крик.

— Мышь, мышь, тут мышонок! — кричала бабка Улиткина.

Испуганные женщины, очнувшись от тревожного сна, недовольно глядели на беспокойную старушку. Прибежали заспанные медсестра с санитаркой. Где, что опять случилось? Достала эта бабка уже. Каждую ночь что-нибудь да придумает. Днём выспится, а ночами ходит-бродит по коридору, то свет выключит, то двери во все палаты позакрывает: храпят, мол, мешают спать. Вечером в каждую палату заглянет: тише разговаривайте. И вот опять...

— Баба, ну что случилось? Какой мышонок, где? — санитарка Наташа включила свет. — Откуда он здесь? Что ты придумываешь?

— Да вот же, в стакане с кефиром. Стала пить, а он там, — дрожащим голосом сообщила бабулька.

Наташа взяла стакан, поднесла к глазам. Из стакана свисала тоненькая ниточка. Она потянула за неё — и тихо выругалась: это был размокший пакетик чая.

Соседки возмутились, просили перевести бабку в другую палату, да куда её — везде забито. Сезон дачный кончился — все болячки снова вернулись, теперь только и полечиться... Да и как возмущаться? Девяносто два года старушке. Что с неё возьмёшь? Нам бы до таких лет дожить...

Сон как рукой сняло. Женщины стали укладываться, уже не надеясь снова уснуть, придётся снотворное просить. Ага, так тебе и дадут снотворное! Персонал серьёзный, неприветливый. Иная даже не поздоровается, когда в пала-

ту заходит. Ни на кого не смотрят, на вопросы не отвечают, улыбнуться — упаси Боже.

Постепенно всё затихло, кто-то уже похрапывал. Только Улиткина что-то бормотала про себя, шелестела полиэтиленовым пакетом, ворочалась, вздыхала и кашляла.

— Баба, может, уже хватит? — не выдержала Лариса. — Спать не даёшь. Достала уже!

Бабулька затихла. В палате наступила тишина, нарушаемая стонами, охами-вздохами. По коридору кто-то прошаркал в сторону туалета. По улице промчалась, судя по сирене, милицейская машина.

— Ох, Господи-Господи, — вдруг во весь голос заголосила бабка, — и умереть спокойно невозможно.

— Да почему невозможно? Поможем, если что, не переживай! Умрёшь, куда ты денешься! — Лариса, откинув одеяло, села на кровати.

Проснулись женщины. Посмеявшись, опять улеглись. Заснула наконец и бабулька.

Лариса, укрывшись с головой одеялом, не спала. Болела обожжённая рука, болела душа. Угораздило же её! А всё её характер — до всего ей есть дело! Ну не пьют в новом коллективе чай, не принято — и что? Но чай — это ведь не напиток, не еда, это форма общения. Совместные чаепития так сближают, делают атмосферу в коллективе дружеской, приятной. И хоть пользоваться электрическими приборами было запрещено, сотрудники нашли выход: в архив предприятия редко кто из начальства заходит, вот там и будем собираться.

В тот день было её дежурство. Она поставила чайник, разложила на столе принесённые из дома печенюшки-тортики и стала ждать, когда закипит вода.

В дверь заглянула Вика, секретарша директора предприятия. «Лариса Николаевна, к директору, срочно!» Забыв про чайник, она отправилась к начальству, знала, что он не выносит опозданий.

С начальником у неё отношения были сложные. Она чувствовала его мужское внимание, но была твёрдых правил: никаких отношений на работе. Тем более с начальником.

К тому же случившийся несколько месяцев назад казус заставлял её избегать встречи с ним. Она работала на предприятии всего полтора года. Жила в маленьком финском домике одна, дочку оставила у родителей. Надо было прийти в себя после развода с мужем, успокоиться, не хотелось, чтобы дочка видела её настроение, её слёзы. Как-то среди ночи она вышла на улицу — «удобства» были довольно далеко от домика, и, оглядевшись — не видит ли кто, потому что была в одной ночнушке, побежала по мокрой тропинке к «домику неизвестного архитектора». Возвращаясь, она услышала за спиной чьи-то шаги и сопение. Кто-то явно догонял её. Она рванула вперёд и успела захлопнуть дверь, в которую тотчас заколотили ногой. «Открой! — хриплый голос испугал её до тошноты. — Открой, а то дверь выломаю». Послышалась нецензурная брань, фанерная дверь дрожала под ударами, и она с ужасом увидела, что около замка появилась дырка и в неё просунулась волосатая рука. Она схватила топор, лежащий, к счастью, на подоконнике, и ударила по руке. Нападавший громко вскрикнул, заматерился, но продолжал ломиться.

На улице слышались голоса, крики, топот убегающего, потом всё затихло. Она долго сидела с топором в руках, но никто больше не появился. Её всю трясло. Найдя валерьянку, она накапала полстакана и залпом выпила. Дрожь не проходила. Где-то был коньяк, она, не зажигая света, нашла бутылку и прямо из горлышка сделала несколько глотков. Постепенно отпустило, она попыталась заснуть, но так и не смогла.

На работу пришла, ещё не отойдя от ночного приключения. В десять часов оперативка у директора, а у неё голова раскалывается. Но идти надо.

Сидя на оперативке, она с трудом понимала, о чём говорит начальник, сопровождая свои слова энергичным постукиванием карандаша о столешницу. Сознание уплывало, видно, коктейль из валерьянки и коньяка делал своё дело, и она задремала. И тотчас же кто-то страшный погнался за ней и заколотил в дверь, требуя открыть. Она схватила топор и закричала: «Если ты, скотина, не перестанешь стучать, я отрублю тебе не только руку, но и голову!» И вдруг

проснулась от наступившей тишины, а затем раздался такой дружный хохот присутствующих, что замигала лампочка под потолком. Она смотрела на хохочущих людей и ничего не понимала. Только начальник смотрел на неё жёстким взглядом, и постепенно этот взгляд заметили присутствующие. Смех резко затих. И она внезапно поняла, что произнесла эти слова не во сне, а вслух.

«Все свободны,— резко скомандовал директор,— а вы, Лариса Николаевна, оставайтесь». Сотрудники, кто с сочувствием, а кто и с ухмылочкой глядя на Ларису, потянулись к дверям.

«И что это было, Лариса Николаевна? Потрудитесь объяснить»,— голос его был ледяным.

Лариса, сгорая от стыда, рассказала о ночном происшествии и о своём внезапном сне во время совещания. Он слушал молча, недоверчиво глядя на её пылающее лицо, потом встал, подошёл к окну и, не поворачиваясь, произнёс: «Надо быть осторожнее, здесь вам не город, здесь тайга. Свободны». С того дня она старательно избегала встречи с ним, насколько это было возможно. Но всё труднее и труднее стало отводить свой взгляд от его мужественного лица, от его красивых серых глаз...

В кабинете были уже главный инженер, начальники подразделений, начальник юридического отдела, специалисты. Ждали её — главного экономиста.

Совещание было бурным, каждый отстаивал своё мнение, каждый считал свой вопрос самым главным, и Лариса совершенно забыла про включённый чайник. Вспомнила, когда кто-то закрычал в коридоре: «Архив горит!»

Пожар уничтожил почти все документы. Но самые важные, к счастью, уцелели: Лариса кинулась в самое пекло и успела вытащить несколько папок. Виновника пожара не нашли, нашли только сгоревший чайник, а директор издал приказ, категорически запрещающий пользоваться электроприборами — чайниками, кипятилниками, фенами и так далее. Второй приказ был об объявлении благодарности главному экономисту Федорчук Л. Н. за спасение важной документации.

И вот лежит она, Федорчук Л. Н., на больничной койке, с обожжённой рукой, опалёнными волосами и муками совести. Два часа ночи. Соседки спят. На улице ветер гнёт сосны, те сопротивляются, гордые.

Закопошилась старушка Улиткина, включила прикроватный свет, смотрит на экран мобильного и вдруг, как всегда в полный голос, говорит:

— На работу пора.

— Тише, баба, тише. На какую работу? Спи. А то всех разбудишь,— Лариса пытается уложить бабульку, но та сопротивляется, надевает кофту, ищет тапки.

Просыпаются недовольные женщины, ворчат, ругаются: да когда же покой будет? Два часа ночи!

Постепенно всё затихает. Но ненадолго. Улиткина снова садится на кровати, бурчит что-то себе под нос, потом вскакивает, включает свет и кричит со слезой в голосе:

— Да что же вы?! На работу, на работу надо!

Испуганные женщины просыпаются, кто-то из них посылает бабуку куда подальше, шум, крики, кашель...

Ларисе почему-то становится смешно, и она командует — всё равно все проснулись:

— Ничего не знаю. Быстро все на зарядку — и вперёд, на работу!

Бабка выходит в коридор и начинает названивать по мобильному, громко требуя какую-то Таню. Просыпается всё отделение, слышны недовольные голоса. Улиткина возвращается в палату, лезет в холодильник, шелестит целлофаном. «Наверно, бригадиром когда-то была в колхозе», — смеётся про себя Лариса. Веки становятся тяжёлыми, сладкая истома охватывает тело, а Виктор Васильевич, директор, говорит... Что же он говорит?... Что-то говорит... А глаза-то, глаза!.. Никуда от них не спрятаться! Никуда...

Придётся увольняться, а жаль — коллектив такой хороший...

«Господи, Господи!» — вздыхает во сне Улиткина.

Скоро рассвет. За окном порывистый ветер и дождь. А синоптики обещали ясную погоду.